

добровольно вступил в Красную армию и после войны получил свои «законные» 10 лет лагерей.

В конце 90-х, бросив в Киргизии два добротных дома, выехал в город Томск, к дочери, с 300 долларами — это все, что он вывез в Россию из некогда «братской страны» после распада СССР.

В настоящее время казак Нестеренко ведет активный образ жизни, даже пытается выращивать в условиях сурового сибирского климата виноград.

А. А. ТОЛКАЧЕВ

ПЕРЕПРАВА

Скорее всего, немцы точно знали, что на этом участке фронта происходит накапливание наших сил для наступления, поэтому они вели прицельный и губительный огонь по всем возможным местам массового скопления живой силы и техники. Не исключая, что их разведка работала в нашем тылу с большим успехом, чем наш СМЕРШ.

Не доезжая нескольких сот метров до указанного нам места переправы на реке Жиздра, мы вдруг услышали несколько далеких хлопков.

По звуку это были наши 122-миллиметровые полковые минометы, так определили офицеры, и мы спокойно продолжили передвижение.

Неожиданно раздался противный свист, и три мины точно попали в центр нашего эскадрона, натворив колоссальные беды.

Они рванули с интервалом в несколько секунд одна за другой и почти что рядом друг с другом.

Мгновенно все смешалось вокруг. Еще одна, а может быть, и две мины разорвались, даже не коснувшись земли, как шрапнель, в самой гуще людей и лошадей.

Сразу появилось много раненых и убитых казаков. Шарахнулись в сторону испуганные насмерть лошади. Все смешалось в какой-то один надрывный и непонятный крик. Лошади ржали, станичники стонали, кричали и звали на помощь.

В эту минуту, ожидая следующего взрыва, каждый думал только о себе: где и как укрыться от губительного металла? Как спасти себя и только себя...

Я тогда был хоть и неверующий, но истово молил Бога, прося оставить меня живым и невредимым.

И я остался живым, только лошадь моя немного была поцарапана мелкими осколками.

Повезло!

Налет кончился внезапно, как и начался. Вскоре и казаки пришли в себя от шока. Начали перекликаться между собой, собирать раненых и убитых.

Осела пыль, и солнечные лучики стали пробиваться сквозь редкие прибрежные кусты. Было еще раннее утро, только-только занимался очередной день войны, а на сердце у всех уже лежала мрачная вечерняя тоска...

По голосам, окликающих друг друга, я узнал своих казаков-станишников, друзей со Ставрополя — Пашу и Мишу. Они тоже уцелели в этой передряге и помогали быстро перевязать и отнести в сторонку раненых.

Когда они подошли ко мне, я спросил их:

— А где Валентин Лосев и лейтенант Левченко?

Оказалось, что командир взвода с перебитой ногой и Валентин, еще один наш дружок с Кубани, лежали совсем рядом со мной. Только Валентин был уже мертвый.

Мы быстро прибинтовали ногу Левченко до самого бедра к двум палкам, найденным тут же, использовав их вместо медицинских шин. Валентина — царствие ему Небесное! — похоронили на опушке леса у одинокой сосны. Вырыли неглубокую могилку, с полметра, завернули в плащ-палатку и опустили в землю.

Я еще перед этим посмотрел, как его убило. Оказывается, задело крупным осколком. Осколок, что утиная лапка, попал в левую сторону груди, между ребрами и, видимо, задел сердце.

Я все старался запомнить место. Еще надеялся, что, может, быть когда-нибудь придется навестить могилку своего казака-станишника, друга и боевого товарища, ведь мы с ним жили почти на одной улице, учились в одной школе...

Перевязав раненых и похоронив убитых, мы наскоро обработали и самих себя. Царапины и мелкие кровоточащие ранки забинтовали, благо нас каждого снабдили индивидуальными пакетами и было чем перевязаться.

Подъехали к нам и санитарные фургоны — кто-то, видно, сообщил в штаб о нашей беде, и нам выслали помощь. Погрузили раненых, тех,

кто не мог идти своим ходом, в том числе и нашего командира взвода Левченко, и санитарные повозки ушли в тыл.

Мы с товарищами как-то быстро все сделали с похоронами Валентина и перевязкой командира взвода, и теперь, в минуту свободного времени, смотрели на то, что делают на месте трагедии наши товарищи.

В отличие от нас они выкопали одну братскую могилу, положили в нее всех убитых, закопали, предварительно укрыв плащ-палатками, и отсалютовали над усопшими. Старшине передали пеналы-медальоны с адресами родных, у кого они имелись, и занялись лошадьми.

Что можно было снять с убитых животных — сняли, мясо разделали не хуже, чем профессиональные мясники, и отдали на кухню. Война — войной, а солдатский желудок нужно было чем-то набивать.

Оставшихся в строю лошадей казаки отдали своим коноводам, солдатам пожилого возраста, и своим одногодкам из легкораненых. Все, кто был жив и невредим, собрались в кружок и, как истинные казаки, решили выбрать себе нового командира. Благо среди нас нашелся один лейтенант из окруженцев, прикомандированных к нам еще на формировании, ему-то мы и доверились, несмотря на то, что он был пехотинец.

Новый командир скомандовал построение, и мы сразу после этого двинулись к переправе.

Буквально метров через двести-триста на опушке леса мы увидели наши 122-миллиметровые минометы и полковые короткоствольные орудия, которые при нашем появлении неожиданно активно начали вести огонь по немецким позициям.

Так вот почему мы не почувствовали опасности при прошлом артналете, понял я. Мы слышали выстрелы своих артиллеристов, а мины получили уже немецкие. Их залп мы просто не услышали, проморгали, и оплатились за свое разгильдяйство.

В следующий раз надо быть внимательнее.

Наши артиллеристы что-то уж слишком яростно вели огонь в сторону противника и немцы не остались в долгу, ответили им тем же.

Артиллерийская дуэль велась, как говорится, наобум лазаря, потому что немецкие снаряды и мины ложились не прицельно: то здесь, то там, что нас и спасло, наверное, в этот раз. Будь вражеские артиллеристы понастырнее — нам бы несдобровать.

Вскоре стрельба с обеих сторон стала стихать, а затем и вовсе прекратилась.

К берегу реки тем временем стали подходить все новые и новые подразделения. Среди них оказались и войска особого назначения, те

самые, которые назывались «заградительными отрядами». Их бросило сюда высокое командование наводить порядок на переправе. Мы смотрели на них с чувством глубокого презрения, но помалкивали, понимая, что за любые негативные высказывания в адрес элитного подразделения нас могут просто тут же шлепнуть в назидание другим. И будут правы: не разлагай дисциплину перед боем.

Форсирование реки Жиздра, притока Дона и Донца, началось в 16 или 17 часов в самом начале августа месяца.

Мы подошли к переправе с тревожным чувством.

Правый берег уже был занят одним из эскадронов нашего полка и ротой солдат какой-то пехотной части. На левом берегу, откуда мы должны были переправляться, никаких понтонов не было, а просто были заранее сбиты небольшие бревенчатые плоты и рядом качалась на воде пара надувных лодок. Зато в изобилии валялись заранее подвезенные бревна, доски, горбыли и всякий плавучий хлам, годный для переправы.

Артиллерийская канонада стихла, казалось, по всему фронту. Ни немцы, ни наши не стреляли, будто боясь спугнуть момент вхождения в воду огромной людской массы, которую потом легко можно было утопить, насыщая ненасытного бога войны новыми жертвами. Так хищники подстерегают животных на водопое, прячась в воде или в прибрежных зарослях.

Мы всеми своими нервами чувствовали этого хищника и тревожились, оттягивая момент вхождения в воду.

Река была шириной порядка 50–60 м. Кое-где глубокая, а где-то и помельче. Это было заметно по самой воде. Где быстрина и рябь — там мель, а где крутились водовороты — омут. Но какая бы глубина ни была, не все у нас умели плавать. Некоторые воины ни разу в жизни даже и не видели такой широкой реки и со страхом смотрели на воду, как на свою естественную могилу.

Наше счастье, что в небе не было немецких самолетов!

Не ожидая команды командиров, мы молча взялись за строительство плотиков.

Все казаки нашего взвода были вооружены автоматами ПППШ с запасными дисками, да еще на нас была навешана кое-какая военная амуниция, способная даже хорошего пловца отправить на дно при малейшей оплошности, не то что поддержать его на воде, поэтому все работали с необычайным азартом.

Лучшими были не умеющие плавать вообще.

И вот началось медленное вхождение в воду.

Пока было мелко, мы толкали плотик перед собой, затем плыли, держась за борта. Все наше имущество, в том числе и наши автоматы, лежало на плотках. Кто не умел плавать, тот старался сесть в лодки и добраться до берега с комфортом. Но чем дальше мы отплывали, тем глубже становилась река, и вот уже многие стали вскрикивать и в страхе хвататься друг за друга. Кто-то даже повернул назад... Начиналась паника, хотя до берега остались считанные метры.

И тут, словно по чьей-то команде, на наши головы посыпались немецкие мины. Разрывались они на воде, на плотках и даже на солдатских головах и плечах. Поднялся крик, шум, плач, мат... Все смешалось в единый гул.

Кто первый вырвался вперед, те благополучно добрались до заветного берега, те, кто остался под обстрелом, были в панике.

Я видел и слышал, как кричал, матерился и стрелял по людям наш новый взводный, пытаясь заставить солдат завершить переправу. Возможно, он даже и застрелил кого-то из своего ТТ, в такой горячке все возможно.

А тут и заградотряд подключился к наведению порядка...

Ужас охватил людей.

Но наш эскадрон все же благополучно завершил переправу, и мы зашли в укрытие под берегом, не веря еще сами себе, что остались живыми.

Появился и наш взводный, со слезами на глазах просивший у нас прощения за свое поведение на реке.

— Братцы, — плакал он, — по-другому я не мог, простите! Если бы, не дай Бог, с перепугу повернули назад, нас бы всех посекали заградотрядовцы. У них приказ такой есть. Вы же видите, что они там творят, сволочи!

Мы это и сами знали, и только что видели все своими глазами.

Все, кто не мог осилить водную глубину, попытались вернуться назад, где были встречены пулеметным и автоматным огнем НКВДэшников.

И ни один из них ни на наш берег, ни на тот, с которого мы все вместе шагнули в воду, не доплыл живым...

Много, ох, много ребят погибло на этой переправе не только от немецких мин!

Много утонуло раненых. Утопленники плыли по реке, как бревна на лесосплаве...

Я тайком молился и призывал Господа Бога и дальше сохранять мою жизнь. И, видно, он внял моим молитвам.